

Александр Куприн

Песик – Чёрный Носик

Александр Иванович Куприн

Песик – Чёрный Носик

Аннотация

«В имени „Загорье“, Устюженского уезда, Новгородской губернии, жила знакомая мне помещичья семья Трусовых – славная, бестолковая, дружная, простосердечная – прелестная русская дворянская семья. Всю жизнь ее можно очертить в двух-трех словах: уютный старый дом, постоянно гости, множество шумной и поголовно влюбленной молодежи на каникулах. Домашние наливки и соленья, запущенное хозяйство, трижды заложенная земля, фантастические вечерние планы: „А вдруг у нас откроются залежи каолина?“ или „Говорят, что через нас скоро пройдет железная дорога, вот тогда-то мы поправимся...“»

Александр Куприн

Песик – Чёрный Носик

В имении «Загорье», Устюженского уезда, Новгородской губернии, жила знакомая мне помещичья семья Трусовых – славная, бестолковая, дружная, простосердечная – прелестная русская дворянская семья. Всю жизнь ее можно очертить в двух-трех словах: уютный старый дом, постоянно гости, множество шумной и поголовно влюбленной молодежи на каникулах. Домашние наливки и соленья, запущенное хозяйство, трижды заложенная земля, фантастические вечерние планы: «А вдруг у нас откроются залежи каолина?» или «Говорят, что через нас скоро пройдет железная дорога, вот тогда-то мы поправимся...»

Как и полагается, в усадьбе жила пропасть всяких животных – нужных и ненужных, – не считая домашнего скота и птицы, то есть пять довольно сносных гончих, папин сеттер, несколько дворняг без должности и древний, полуслепой, полупараличный, оглохший, но все же яростно-злой Барбос на цепи; кошки кухонные, полудикие; кошки комнатные с ленточками и бантиками на шее; кролики; годовалый скандалист медвежонок; ежи; морские свинки; свирепый и вонючий хорек в клетке; сороки и скворец – будто бы говорящие, хотя никто не слышал их разговора; ручные белки; журавль; белые мыши; отдельный ручной комнатный баловник-поро-

сенок; отдельный козел, мастер бодать прохожих под колени... и многое другое.

Настоящей же повелительницей этого животного царства, повелительницей мудрой, властной и кроткой, была младшая дочка Рая, тогда девочка лет четырнадцати. Всех своих двуногих и четвероногих подданных она знала по именам, происхождениям и характерам, и все они (кроме хорька) радостно отзывались и стремительно прибегали на ее зов.

Любовь к животным была в ней не болезненной чертой, а истинным, щедрым божьим даром, при помощи которого она делала чудеса.

Так, например, воспитывалась у нее в комнате молодая лиса, взятая из норы еще щенком-сосунком позднюю зимою. Очень скоро она приучилась бегать за Раей, как собачонка; охотно по вечерам дремала у нее на коленях, а ночью спала у нее в ногах. Так прошел почти год. К следующей зиме шерсть на лисе из цвета кофе с молоком стала ярко-красной и блестела от хорошего питания и ухода.

Но в середине ноября какие-то таинственные, далекие голоса разбудили в звере вольные инстинкты, и однажды утром лиса убежала.

Следы ее вели по огороду, через прясла и дальше через снежное поле к лесу, находившемуся в версте от усадьбы. Рая никому не позволила преследовать беглянку, но сама вышла в поле, остановилась шагах в ста от околицы и начала звонко кричать тем же голосом, каким и всегда она звала

свою лису:

«Лисинька, лись, лись, лись!.. Лисинька, лись!..»

Через час лиса показалась из леса. Она сначала робко, потом отважнее приближалась к Рае, ярко-красная на белом снегу, подошла вплотную и даже взяла из рук кусок вареной говядины. Но погладить себя не далась – прынула, вильнула пушистым хвостом и исчезла так быстро, как умеют только лисы.

Она пришла и на другой день на Раин зов, но больше уже не являлась. Должно быть, ею овладели очарование дикой лесной жизни и прелесть свободы. А может быть, ее загрызли соплеменники за чужой запах, за утраченную звериность?

Я не знаю, не слышал и не верю, чтобы кому-нибудь другому удался такой опыт с годовалой лисою, как Рае. Было в ней какое-то простое обаяние, заставлявшее животных быть доверчивыми к ней и добровольно покорными. Самые злые собаки и самые строптивые лошади успокаивались в ее присутствии. Охотно подчинялись ей и люди. В ней чувствовалось то лучшее, что присуще зверям: правдивость, чистота, смелость и внутренняя зоркость, давно утраченные людьми.

Поэтому неудивительно, что все в усадьбе невольно мирилось с ее страстью подбирать повсюду и приносить домой совершенно ненужных животных: увечных, старых собак; брошенных или заблудившихся щенят; слепых котят, отнятых у деревенских мальчишек, собиравшихся их топить; птенцов, выпавших из гнезда; подраненных зайцев и т. д.

Вот так-то она однажды и принесла в подоле юбки грязного, дрожащего двухмесячного щенка, подобранного ею в дорожной канаве в рыхлом снегу. Щенок был Раей обмыт и высушен в нагретом одеяле.

Оказался он престранной наружности: туловище рыжее, мохнатое, хвост гладкий, длинный, белый, уши коричневые, короткие, а вся морда белая, за исключением черного пятна на носу, за что он тут же и был назван «Песик-Черный Носик».

К тому же, несмотря на нежный возраст, он сразу проявил не только чрезмерную прожорливость, но и замечательную злобность.

– Более отвратительной собачонки я не встречал во всю мою жизнь, – сказал Дмитрий Семенович, Раин отец, «Великий Охотник», когда увидел щенка. – Его бы назвать не Черный Носик, а Кабыздох.

Такое же впечатление Черный Носик произвел на всех обитателей «Загорья» и производил на всех гостей. И это, вероятно, и было причиной того, что Рая взяла ублюдка под свое особенное попечение и сердечное покровительство.

А песик все рос и рос и к году окончательно выровнялся в самого мерзкого из псов, какие когда-либо бегали на четырех ногах, лаяли и портили воздух на обоих полушариях Земли. Казалось, в нем соединились все самые злые и порочные собачьи породы, и каждая отразилась в нем «максимумом» своей склонности к преступлению. У него были жел-

тые, светлые глаза, подлый взгляд исподлобья и во всей морде непередаваемое выражение трусости, наглости и низкого лукавства. Роста он был со среднюю гончую.

Он тайком душил кур и цыплят, воровал и выпивал яйца. Он никогда не мог насытиться и после хорошего, сытного обеда бежал на помойку и рылся в ней головой и лапами. Однажды он забежал в рабочую избу, где в печи кипели щи для работников, всунул морду в котел и, несмотря на ожог, вытащил-таки десятифунтовый кусок мяса с костью. За ним погнались, но он успел скрыться в малиннике и там дожрал говядину. Когда его нашли, он лежал на обглоданной кости и вызывающе рычал.

Он не выносил человеческого взора и потому кусал только за ноги, подкравшись сзади. Он трепал насмерть заморенных кошек и мелких собак. Но при первом грозном рывканье большого пса падал на спину и униженно болтал лапами в воздухе и вилял туловищем.

У него была прегадка, грязная манера улыбаться, вертя мордой, морща нос и оскаливая зубы. Это бывало тогда, когда он готовился или выпросить что-нибудь, или совершить какую-нибудь подлость. Он никого из людей не любил, даже и Раю, свою благотворительницу, хотя и слушался ее немного, ради будущих подачек. Рая избаловала его тем, что рано позволила ему валяться на диванах и кроватях и спать в комнатах. Когда ему исполнилось два года и от него стало нестерпимо вонять псиной, то решено было заставить его

ночевать во дворе. Но он подходил к окнам и так нестерпимо, раздражающе выл, что его впускали. Иногда Раины братья сгоняли его с дивана плеткой. Он рычал, визжал, прятался под диван или забивался в угол, но через пять минут, когда о нем позабывали, опять взлезал на то же место. У него не замечалось никакого оттенка самолюбия. Вообще он был предметом ненависти и презрения всего дома. Достаточно сказать, что к двум годам он не мог приучиться держать себя опрятно в комнатах...

Но всему бывает конец. Конец Песику-Черному Носику пришел в конце июля, когда ему стало около двух с половиной лет. Брат Раи, юнкер Дима, вошел в ее комнату, чтобы взять какую-то книжку с полочки, висевшей над Раиной кроватью. Но на кровати лежал Черный Носик. При виде Димы он мгновенно вскочил на все четыре ноги и яростно зарычал. Дима не был боязлив, однако вид собаки испугал его. Было что-то зловеще-страшное в ее вздыбленной шерсти, глазах, налитых кровью, в разверстой опененной и как бы дымящейся пасти.

Он захлопнул дверь и побежал жаловаться Рае. Рая в это время вместе с отцом подпирала в саду рогатками тяжелые ветви фруктовых деревьев. Она назвала брата трусишкой, вытерла руки о передник и быстро пошла в дом. Отец и брат в какой-то неясной тревоге побежали за нею.

Дмитрий Семенович немного замешкался. По дороге он забежал в свой кабинет, где у него – «Великого Охотника»,

убившего в своей жизни более пятидесяти медведей и без числа всякого другого зверья, – все стены были увешаны редким и ценным оружием.

Рая сама открыла дверь. Черный Носик, как и прежде, вскочил с грозным рычанием...

– Песики-Носики, – пролепетала ласково Рая, делая шаг вперед и протягивая к собаке руку. – Черные Носики!..

Собака сделала огромный прыжок с кровати по направлению к девочке. В тот же момент, оглушив Раю и Диму, грянул сзади них выстрел, и пес, не dokonчив прыжка, перевернулся в воздухе, упал и покотился по полу, корчась в предсмертных судорогах.

Весь день Рая плакала и бранила отца и брата, называя их убийцами. Но к вечеру приехал старый, добрый ветеринар, за которым послали нарочного.

Ветеринар взрезал собачий труп и клятвенно уверил Раю, что пес был бешеный. А Рая ему верила. Они были давнишние друзья.

Рая успокоилась, хотя потом долго вздыхала от пролитых слез.